

ГЕНДЕРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

DOI: 10.15838/sa.2023.1.37.5

УДК 314.15 | ББК 60.561.5

© Багирова А.П., Бледнова Н.Д., Нешатаев А.В.

УЧАСТИЕ ОТЦОВ В УХОДЕ ЗА РЕБЕНКОМ В ПЕРИОД РОДИТЕЛЬСКОГО ОТПУСКА: ОЦЕНКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАСШИРЕНИЯ

АННА ПЕТРОВНА БАГИРОВА

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина
Екатеринбург, Российская Федерация

e-mail: a.p.bagirova@urfu.ru

ORCID: [0000-0001-5653-4093](#); ResearcherID: [M-7440-2013](#)

НАТАЛЬЯ ДМИТРИЕВНА БЛЕДНОВА

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина
Екатеринбург, Российская Федерация

e-mail: n.d.blednova@urfu.ru

ORCID: [0000-0001-5362-7905](#); ResearcherID: [ABB-7517-2021](#)

АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ НЕШАТАЕВ

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина
Екатеринбург, Российская Федерация

e-mail: a.v.neshataev@urfu.ru

ORCID: [0000-0002-0145-7841](#); ResearcherID: [AAG-5745-2021](#)

Современные социальные отношения предполагают усиление ценностей равноправия, солидарности и справедливости в распределении обязанностей в семейной сфере между женщинами и мужчинами. Однако основная нагрузка в работе по дому в российских семьях ложится именно на женщин. В таких условиях актуализируется необходимость развития модели вовлеченного отцовства, которое имеет благоприятный эффект для детей, женщин и самих отцов. В связи с этим целью нашего исследования является изучение участия отцов в выполнении семейных обязанностей в период отпуска по уходу за ребенком. Для достижения данной цели в 2022 году был проведен анкетный опрос матерей и отцов, которые имеют детей в возрасте до 3-х лет.

Опрошено 1000 респондентов, проживающих в 85 субъектах РФ. Для организации исследования использовался квотный тип выборки, при этом квоты устанавливались по российским федеральным округам пропорционально численности населения. Выявлено, что при ожидаемом более высоком уровне родительской нагрузки матерей в период отпуска по уходу за ребенком по сравнению с уровнем нагрузки отцов существует ряд социально-демографических факторов, влияющих на эту дифференциацию. К ним относятся: 1) уровень дохода семьи (более высокий доход связан с реализацией конкретных видов функций – образовательной и коммуникативной); 2) семейный статус отцов (наличие зарегистрированного брака повышает отцовскую вовлеченность в период отпуска по уходу за ребенком). Возраст отцов с уровнем их вовлеченности не связан. Причины меньшей нагрузки отцов носят как объективный, так и субъективный характер. Продолжение работы мы видим в применении качественных методов исследования для более глубокого понимания причин сложившейся ситуации.

Участие отцов, отцовский отпуск, родительские отпуска, отпуск по уходу за ребенком, семейная политика, вовлеченное отцовство.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-01847 (<https://rscf.ru/project/22-28-01847>).

Введение

Современные социальные отношения предполагают усиление ценностей равноправия, солидарности и справедливости в распределении обязанностей в семейной сфере между женщинами и мужчинами. Однако многочисленные исследования ученых показывают, что большая часть рутинной домашней работы и функций по уходу за детьми осуществляется женщинами, что ведет к формированию гендерного неравенства. Так, согласно отчетам Организации Объединенных Наций, в среднем женщины тратят на неоплачиваемую домашнюю работу в три раза больше времени, чем мужчины¹. Вследствие нехватки времени на выполнение сразу и профессиональных, и семейных задач у женщин развивается конфликт «семья – работа», приводящий к повышению уровня стресса (McCanlies et al., 2019), ухудшению психического и физического здоровья (Brauner et al., 2019). В этом контексте активное отцовство, связанное с большей вовлеченностью отцов в уход за ребенком и его развитие, рассматривается в качестве одного из факторов семейного благополу-

чия, предполагающего более равномерное распределение родительских обязанностей между матерью и отцом.

Проблема отцовства начала привлекать активное внимание исследователей сравнительно недавно – в 60-х гг. прошлого столетия (Михайлова, 2012). До этого в России и странах Запада доминировала идея гендерного контракта, согласно которому мужчина в семье выступал главным кормильцем, а женщина осуществляла традиционную роль «хранительницы домашнего очага». В конце 50-х гг. XX века произошла «семейная революция» – устоявшийся гендерный порядок подвергся трансформации (Кон, 2011). Активность женщин в экономической сфере повышается, патриархальная модель семьи постепенно уходит в прошлое. Именно в это время возникла потребность в пересмотре института отцовства. В конце 60-х гг. прошлого столетия в научный оборот вошел термин «новое отцовство» (или «ответственное отцовство»), знаменующий появление нового типа отца, который наравне с матерью несет ответственность за воспитание детей (Рождественская, 2020).

¹ UN. Sustainable development goal 5: achieve gender equality and empower all women and girls (Progress and information 2019). URL: <https://sustainabledevelopment.un.org/sdg5>

В последние десятилетия феномен отцовства активно изучается отечественными исследователями. При этом выделяется несколько типов современных отцов. Модель традиционного отцовства сохраняет идею гендерного разделения ролей: мужчина выполняет функцию защитника и добытчика, а женщина – обязанности «домохозяйки» (Чернова, 2018). И.С. Клецина также описывает модель «отсутствующего отца», для которого характерно отсутствие любого психологического контакта с ребенком (Клецина, 2009).

Альтернативная модель отцовства наделается в отечественной литературе разными названиями. Так, например, Е.Ю. Рождественская выделяет несколько типов «нетрадиционных отцов» (Рождественская, 2010). Среди них – «модерный кормилец», который наряду с функцией материального обеспечения семьи активно участвует в жизни своих детей, и «эгалитарный отец», который наравне с матерью реализует обязанности в профессиональной и домашней сферах. И.С. Клецина использует термины «ответственные отцы» и «новые отцы». Первые активно включены в процесс ухода за детьми, однако большая часть родительской нагрузки по-прежнему возлагается на плечи матерей. Вторые поровну делят с супругой домашние обязанности и функции по воспитанию и развитию детей (Клецина, 2009). А.В. Авдеева, описывая феномен современного отцовства, прибегает к термину «вовлеченные отцы» – они активно участвуют в повседневных практиках заботы о детях (Авдеева, 2012). Однако автор подчеркивает, что для таких отцов семья так же важна, как и работа. Вовлеченные отцы вынуждены оптимизировать свое время таким образом, чтобы беспрепятственно совмещать профессиональную и семейную сферы жизни.

Развитие проблематики отцовства актуализировало вопрос гендерной асимметрии родительства – семейная политика в России по-прежнему ориентирована прежде всего на матерей (Чернова, 2018). Отцам, как правило, отводится второстепенная роль в про-

цессе воспитания детей. Однако, несмотря на преобладание в России более традиционных практик родительства, наблюдается, как и на Западе, повышение уровня отцовской вовлеченности (Бескаравайная, 2006). В качестве одного из признаков активизации отцовства может рассматриваться, в частности, создание в РФ так называемых «папа-школ». Впервые появившись в Швеции, эта практика получила распространение в других странах. В России «папа-школы» существуют в Санкт-Петербурге, Нижнем Новгороде, Петрозаводске и др.²

Несмотря на зарождение в России новых практик отцовства, исследователи отмечают, что распространенные в обществе гендерные стереотипы о роли мужчин и женщин препятствуют реализации мужчинами своего родительского потенциала (Новоселов, 2012). Фактическое участие мужчин в процессе воспитания детей изменилось гораздо меньше, нежели общественные представления о том, как должны быть распределены родительские обязанности между супругами (Рождественская, 2020).

Между тем результаты исследований различных ученых свидетельствуют о том, что отцы имеют заметный потенциал влияния на развитие своих детей. Во-первых, активное участие отцов в уходе за детьми и их воспитании ведет к повышению успеваемости детей и является фактором развития высоких интеллектуальных способностей (Cools et al., 2015). Во-вторых, способствует эмоциональному развитию детей (Henry et al., 2019). В-третьих, при повышении вовлеченности отцов в занятия с детьми улучшается здоровье последних (Nandi et al., 2018). В-четвертых, у детей более активно формируется дисциплина и усваиваются правила поведения (Sarkadi et al., 2008). Наконец, участие отцов в воспитании детей позволяет снизить проявления асоциального поведения – таких его форм, как употребление наркотиков и совершение преступлений (Jethwani et al., 2014).

Для женщин эффекты от вовлеченности отцов в осуществление родительских обязанностей заключаются не только в более

² Отцовство в России сегодня (2016). Москва. 120 с.

равном разделении домашнего труда между родителями и меньшей нагрузке на матерей (Patnaik, 2019), но и в повышении уровня участия женщин с детьми в профессиональном труде (Amin et al., 2016), улучшении объемов и качества их досуга (Yerkes et al., 2020), укреплении супружеских отношений (Garcia et al., 2022).

Позитивные эффекты для самих отцов проявляются в том, что вовлеченные отцы становятся более внимательными и ответственными, у них наблюдается удовлетворенность осуществляемыми родительскими обязанностями (Petts, Knoester, 2018). Участие в жизни детей значительно повышает уровень компетенций отцов (Smith, 2011) и формирует позитивное мнение детей об отцах (Petts et al., 2020). Кроме того, улучшается здоровье отцов (Chan et al., 2017) и в целом повышается их жизненная удовлетворенность (Kramer et al., 2019).

Мировая практика свидетельствует, что повышение степени участия отцов в процессах ухода за детьми и их развития может быть достигнуто с помощью трансформации системы родительских отпусков на уровне государственного управления. Например, для обеспечения более равномерного распределения ухода за детьми, работы по дому и занятости между матерями и отцами в ряде стран были введены специальные отцовские отпуска, закрепляющие не только право, но и обязанность использования родительского отпуска отцами. Исследователи отмечают, что внедрение отцовских отпусков в ряде стран оказалось весьма эффективным. Такая мера государственной семейной, демографической, гендерной политики способствовала значительному повышению уровня вовлеченности отцов в процесс воспитания детей (Saarikallio-Torp, Miettinen, 2021), росту уровня гендерного равенства как в профессиональной, так и в домашней сферах жизнедеятельности (Duvander, Andersson, 2006; Tervola et al., 2017). Таким образом, отцовские отпуска как мера государственной политики имеют целый ряд эффектов – стимулирование отцов к большему вовлечению в процессы ухода за детьми, развития

и в целом жизнедеятельность детей, снижение гендерного дисбаланса в обществе, рост уровня участия женщин в формировании национального дохода страны.

В России в соответствии с существующим законодательством отпуск по уходу за ребенком предоставляется до достижения им возраста трех лет, но полноценное пособие (40% от средней заработной платы) выплачивается только до полутора лет. Отпуск по уходу за ребенком может использовать только один человек – родители не могут взять его, например, одновременно. Кроме матери, в отпуск по уходу за ребенком может пойти папа, бабушка, дедушка, другой родственник или опекун, который ухаживает за ребенком. При этом они могут использовать отпуск по уходу за ребенком по очереди, сменяясь неограниченное количество раз. Также во время отпуска по уходу за ребенком член семьи, находящийся в родительском отпуске, может работать на условиях неполного рабочего времени или на дому с сохранением права на получение пособия. Следовательно, в соответствии с российским законодательством отец имеет право на использование отпуска по уходу за ребенком до достижения им трехлетнего возраста, однако при отказе от права его использования отцом данный отпуск не сокращается, размер выплачиваемого пособия не уменьшается, т. е. никаких следствий от неиспользования отпуска отцом ребенка семья не имеет. Можно констатировать лишь факт неполучения семьей тех потенциальных положительных эффектов, которые, согласно данным многочисленных исследований, возникают для ребенка, отца и матери при использовании права на отпуск по уходу за ребенком его отцом.

Несмотря на особенный интерес к проблематике родительских отпусков за рубежом, в отечественной научной литературе ей уделяется гораздо меньше внимания. В частности, в России малоизученными остаются вопросы участия отцов в процессе воспитания ребенка именно в период родительского отпуска. Наше исследование направлено на восполнение этого пробела. Его целью является изучение участия отцов в выполнении семейных обязанностей в пе-

риод отпуска по уходу за ребенком в России. В ходе работы решаются следующие исследовательские вопросы.

1. Каким образом распределена родительская нагрузка между членами семьи в период отпуска по уходу за ребенком?

2. Насколько удовлетворены родители сложившимся распределением родительских обязанностей?

3. Каковы причины подобного распределения?

4. Каким образом сложившееся распределение родительских обязанностей связано с социально-демографическими характеристиками респондентов?

Методология

В ходе исследования проведен опрос матерей и отцов, семьи которых на момент анкетирования обладали правом на использование отпуска по уходу за ребенком. Объем выборочной совокупности составил 1000 человек. 92,3% родителей, принявших участие в анкетном опросе, – женщины. Опрос проводился посредством онлайн-панелей. Половозрастное распределение респондентов представлено в *табл. 1*.

Таблица 1. Половозрастное распределение респондентов, %

Возраст респондентов	Всего	Женщины	Мужчины
18–25 лет	9,6	9,6	9,1
26–35 лет	65,6	67,3	45,4
36–45 лет	24,3	22,1	39,0
46 лет и старше	0,5	0,0	6,5
Итого	100,0	100,0	100,0

Источник: составлено авторами.

Был использован квотный тип выборки. Квоты устанавливались по российским федеральным округам пропорционально численности населения. Были опрошены родители из 85 регионов России (*табл. 2*).

Разработанная система эмпирических индикаторов для социологического исследования семейной организации родительских отпусков включает в себя переменные, связанные с:

Таблица 2. Распределение респондентов по федеральным округам России

Федеральный округ	Численность населения, тыс. чел.	Число респондентов, чел.
Центральный	39104,4	269
Северо-Западный	13901,1	96
Южный	16434,9	113
Северо-Кавказский	9997,3	69
Приволжский	28844,3	198
Уральский	12295,0	84
Сибирский	16889,4	115
Дальневосточный	8091,2	56
Всего	145557,6	1000

Источник: составлено авторами.

1) распределением родительской нагрузки между членами семьи во время декретного отпуска (респондентам было предложено оценить, кто из членов семьи чаще реализует те или иные домашние и родительские функции: приготовление еды, сопровождение ребенка в детский сад, лечение ребенка, игры с ребенком и пр.);

2) объемом нагрузки, связанной с декретным отпуском, между членами семьи (респондентам был задан следующий вопрос: «Если весь объем нагрузки, связанной с декретным отпуском, принять за 100 процентов, то как примерно эта нагрузка распределена между членами Вашей семьи?»);

3) удовлетворенностью распределением нагрузки между членами семьи в период отпуска по уходу за ребенком;

4) представлениями о мерах, способных увеличить частоту использования родительского отпуска отцами.

Обработка и анализ данных осуществлялись с помощью IBM SPSS Statistics 23.0. Для анализа были использованы процедуры описательной статистики, частотный анализ, двумерный анализ и непараметрическая статистика. Применение непараметрических методов анализа (критерий Манна – Уитни) было обосновано отсутствием нормальных распределений значений переменных, а также заметным расхождением численности опрошенных мужчин и женщин в совокупности респондентов.

Результаты и обсуждение

В ходе исследования было выявлено, что менее половины родителей удовлетворены текущим распределением нагрузки и обязанностей в период отпуска по уходу за ребенком (рис. 1).

Рис. 1. Уровень удовлетворенности разделением нагрузки в период отпуска по уходу за ребенком, %

Источник: составлено авторами по результатам опроса.

В некоторой степени показатели удовлетворенности находят отражение в распределении домашних обязанностей внутри семьи. Большая часть нагрузки по организации быта и воспитанию детей возлагается на мать ребенка. В среднем оценки объемов женской нагрузки более чем в 3 раза превышают объем времени, который тратят мужчины на реализацию аналогичных обязанностей (рис. 2).

Рис. 2. Среднее распределение объемов родительской и домашней нагрузки между членами семьи во время отпуска по уходу за ребенком, %

Источник: составлено авторами по результатам опроса.

Мы предприняли попытку оценить степень влияния социально-демографических характеристик респондентов и их семей

(уровень дохода, возраст и семейное положение) на распределение родительских функций внутри семьи во время отпуска по уходу за ребенком. Была обнаружена взаимосвязь между уровнем семейного дохода и распределением родительских функций, связанных с обучением детей и общением с ними. Статистическая значимость этих различий была оценена с помощью критерия Краскела – Уоллеса (уровень значимости равен 0,003 и 0,023 соответственно). В семьях с более высоким уровнем дохода отцы активнее реализуют образовательную и коммуникативную родительские функции. Напротив, в менее обеспеченных семьях отцы уделяют меньше времени на общение с детьми и реже вовлекаются в процесс их обучения.

Мы не обнаружили взаимосвязи между возрастом супругов и фактически осуществляемым ими набором родительских функций в период декретного отпуска. Однако была выявлена взаимосвязь между объемами отцовской нагрузки и семейным статусом респондентов. Статистическая значимость этих различий оценена с помощью критерия Манна – Уитни (уровень значимости – 0,017). Респонденты, состоящие в зарегистрированном браке, отмечают более активное участие отцов в жизни своих детей.

По мнению респондентов, основными причинами меньшего объема нагрузки отцов в период отпуска по уходу за ребенком являются плотный рабочий график и высокая занятость на работе (59%), отсутствие у них желания заботиться о детях в этот период (37%), большие временные затраты на развитие, хобби и отдых (27%). Подобные результаты показывают, что отцы в меньшей степени заинтересованы в осуществлении различных обязанностей в ходе отпуска по уходу за ребенком, уделяя значительное время внедомашним делам, либо вовсе не стремятся к равному распределению обязанностей. Такая стратегия поведения мужчин может быть обусловлена распространенными в российском обществе стереотипами в отношении

распределения семейных обязанностей, нежеланием мужчин выполнять родительские обязанности, существующим представлением женщин о том, что мужчины не имеют компетенций для занятий с маленькими детьми. О том, что первая из перечисленных причин самая важная, свидетельствуют и наши данные – одна из самых распространенных называемых причин меньшей нагрузки отцов в период отпуска по уходу за ребенком состоит в понимании того, что «это все обязанности женщины» (44%; рис. 3).

Рис. 3. Основные причины меньшей (в сравнении с матерями) нагрузки отцов в период родительского отпуска, %

Источник: составлено авторами по результатам опроса.

Кроме того, результаты нашего исследования показали, что среди опрошенных родителей всего в 2,6% семей отцы имеют опыт использования отпуска по уходу за ребенком. Такой результат близок к официальным данным Фонда социального страхования Российской Федерации за 2019 год: доля отцов, оформивших отпуск по уходу за ребенком на себя, составляет лишь 2,02%⁵. То есть, несмотря на законодательное установленное право отцов полностью или частично воспользоваться отпуском по уходу за ребенком, нераспространенность подобной практики в России связана с глубоко укоренившимся представлением населения (и женщин, и мужчин) о том, что право на отпуск по уходу за ребенком по существу является обязанностью матери.

Заключение

На основе проведенного исследования можно сделать следующие выводы.

Результаты социологического опроса продемонстрировали не только наличие неравной включенности отцов и матерей в период родительского отпуска, но и значительное превосходство последних в выполнении родительских обязанностей. Редко какие-либо функции выполняют преимущественно отцы. Оценка всей нагрузки, осуществляемой ими в период родительского отпуска, составляет всего около 20%.

Таким образом, гендерный дисбаланс в участии в уходе за ребенком во время родительского отпуска обусловлен традиционными представлениями в российском обществе, согласно которым главенствующая роль в воспитании детей в этот сложный и интенсивный период родительского труда должна принадлежать матери, а участие отца должно быть незначительным. Вследствие этого семьи несут «упущенные выгоды», т. е. не получают те многочисленные эффекты, которые могли бы получить для детей, отцов и матерей при большем вовлечении отцов в процессы жизнедеятельности детей.

По нашему мнению, для большей включенности в уход за своими детьми и более активного участия отцов необходимы институциональные механизмы, обеспечивающие их включенность в процессы ухода и воспитания в период родительского отпуска. Основываясь на мировом опыте, можно предположить, что одним из самых действенных механизмов является введение обязанности использовать какую-то часть отпуска либо отцом ребенка, либо одновременно обоими родителями. Мы считаем, что только такая мера может способствовать распространению единичных практик использования отпуска по уходу отцами детей и получению многочисленных положительных эффектов, которые фиксируются исследователями во всем мире.

Данная работа позволяет расширить имеющиеся научные знания о гендерном дисбалансе в семейной сфере. Особенно

⁵ Каждый пятидесятый отец в России берет «декретный» отпуск. URL: <https://fss.gov.ru/ru/news/2019/365644.shtml>

важно, что наше исследование акцентирует внимание на сфере родительских отпусков, тем самым формируя предпосылки для изучения данной тематики в будущих социологических исследованиях отечественных авторов.

Перспектива дальнейшей работы видится в анализе вовлеченности отцов в родительский труд в разных регионах России, а также в изучении отношения российского родительского сообщества к возможным формам трансформации системы отпусков

по уходу за ребенком в России (внедрение практик отцовских отпусков, увеличение количества элементов гибкости в структуре отпусков, повышение уровня родительских пособий). Для более глубокого понимания причин слабого вовлечения отцов в процесс ухода за детьми и перспектив развития современных отцовских практик в России планируется провести серию полуструктурированных интервью с родителями, чьи семьи обладают правом на использование отпусков по уходу за ребенком.

ЛИТЕРАТУРА

- Авдеева А.В. (2012). «Вовлеченное отцовство» в современной России: стратегии участия в уходе за детьми // Социологические исследования. № 11. С. 95–104.
- Бескаравайная В.К. (2006). Социологическое понятие «новые отцы» и его содержание. Москва: РГГУ. 202 с.
- Клецина И.С. (2009). Отцовство в аналитических подходах к изучению маскулинности // Женщины в российском обществе. № 3. С. 29–41.
- Кон И.С. (2011). Три в одном: сексуальная, гендерная и семейная революции // ЖССА. № 1. С. 51–65.
- Михайлова А.И. (2012). Отцовство как новый тип родителей в контексте научного знания // Вестник ЗабГУ. № 12. С. 70–78.
- Новоселов В.М. (2012). Проблемы института отцовства в России // Вестник Пермского ун-та. Философия. Психология. Социология. № 3. С. 176–178.
- Рождественская Е.Ю. (2020). Вовлеченное отцовство, заботливая маскулинность // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 5. С. 155–185. DOI: 10.14515/monitoring.2020.5.1676
- Рождественская Е.Ю. (2010). Отцовство: либеральный тренд от «отца» к «папе»? // Социологический журнал. № 3. С. 75–89.
- Чернова Ж. (2018). Репрезентации отцовства: социологический анализ блогов // Интеракция. Интервью. Интерпретация. № 15. С. 6–23.
- Amin M., Islam A., Sakhonchik A. (2016). Does paternity leave matter for female employment in developing economies? Evidence from firm data. *Applied Economics Letters*, 23 (16), 1145–1148. DOI: 10.1596/1813-9450-7588
- Brauner C., Wöhrmann A.M., Frank K., Michel A. (2019). Health and work-life balance across types of work schedules: A latent class analysis. *Applied Ergonomics*, 81. DOI: 10.1016/j.apergo.2019.102906
- Chan K.L., Emery C.R., Fulu E., Tolman R.M., Ip P. (2017). Association among father involvement, partner violence, and paternal health: UN multi-country cross-sectional study on men and violence. *American Journal of Preventive Medicine*, 52 (5), 671–679. DOI: 10.1016/j.amepre.2016.12.017
- Cools S., Fiva J., Kirkeboen L. (2015). Causal effects of paternity leave on children and parents. *The Scandinavian Journal of Economics*, 117 (3), 801–828. DOI: 10.1111/sjoe.12113
- Duvander A., Andersson G. (2006). Gender equality and fertility in Sweden: A study on the impact of the father's uptake of parental leave on continued childbearing. *Marriage & Family Review*, 39 (1), 121–142. DOI: 10.1300/J002v39n01_07
- Garcia I.L., Fernald L.C.H., Aboud F.E. [et al.] (2022). Father involvement and early child development in a low-resource setting. *Social Science & Medicine*, 302, 114933. DOI: 10.1016/j.socscimed.2022.114933
- Henry J.B., Julion W.A., Bounds D.T., Sumo J. (2019). Fatherhood matters: An integrative review of fatherhood intervention research. *The Journal of School Nursing*, 1–14. DOI: 10.1177/1059840519873380
- Jethwani M., Mincy R., Klempin S. (2014). I would like them to get where I never got to: Nonresident fathers' presence in the educational lives of their children. *Children and Youth Services Review*, 40, 51–60. DOI: 10.1016/j.childyouth.2014.02.009

- Kramer K.Z., Bae H., Huh C.A., Pak S. (2019). The positive spillover and crossover of paternity leave use: A dyadic longitudinal analysis. *Journal of Vocational Behavior*, 115, 103310. DOI: 10.1016/j.jvb.2019.05.007
- McCanlies E., Mnatsakanova A., Andrew M., Violanti J., Hartley T. (2019). Child care stress and anxiety in police officers moderated by work factors. *Policing: An International Journal*, 42 (6), 992–1006. DOI: 10.1108/PIJPSM-10-2018-0159
- Nandi A., Jahagirdar D., Dimitris M.C. [et al.] (2018). The impact of parental and medical leave policies on socioeconomic and health outcomes in OECD countries: A systematic review of the empirical literature. *The Milbank Quarterly*, 96 (3), 434–471. DOI: 10.1111/1468-0009.12340
- Patnaik A. (2019). Reserving time for daddy: The consequences of fathers' quotas. *Journal of Labor Economics*, 37 (4). DOI: 10.1086/703115
- Petts R.J., Knoester C. (2018). Paternity leave-taking and father engagement. *Journal of Marriage and Family*, 80 (5), 1144–1162. DOI: 10.1111/jomf.12494
- Petts R.J., Knoester C., Waldfogel J. (2020). Fathers' paternity leave-taking and children's perceptions of father-child relationships in the United States. *Sex Roles*, 82 (3-4), 173–188. DOI: 10.1007/s11199-019-01050-y
- Saarikallio-Torp M., Miettinen A. (2021). Family leaves for fathers: Non-users as a test for parental leave reforms. *Journal of European Social Policy*, 31 (2), 161–174. DOI: 10.1177/0958928721996650
- Sarkadi A., Kristiansson R., Oberklaid F., Bremberg S. (2008). Fathers' involvement and children's developmental outcomes: A systematic review of longitudinal studies. *Acta Paediatrica*, 97 (2), 153–158. DOI: 10.1111/j.1651-2227.2007.00572.x
- Smith A. (2011). Working fathers in Europe: Earning and caring. *European Sociological Review*, 27 (2), 230–245. DOI: 10.1093/esr/jcq004
- Tervola J., Duvander A.Z., Mussino E. (2017). Promoting parental leave for immigrant fathers – What role does policy play? *Social Politics: International Studies in Gender, State & Society*, 24 (3), 269–297. DOI: 10.1093/sp/jxx006
- Yerkes M.A., André S.C.H., Besamusca J.W. [et al.] (2020). «Intelligent» lockdown, intelligent effects? Results from a survey on gender (in)equality in paid work, the division of childcare and household work, and quality of life among parents in the Netherlands during the COVID-19 lockdown. *PLoS One*, 15 (11). DOI: 10.1371/journal.pone.0242249

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Анна Петровна Багирова – доктор экономических наук, кандидат социологических наук, профессор, заместитель директора по науке и инновациям, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Российская Федерация, 620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19; e-mail: a.p.bagirova@urfu.ru)

Наталья Дмитриевна Бледнова – ассистент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Российская Федерация, 620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19; e-mail: n.d.blednova@urfu.ru)

Александр Васильевич Нешатаев – ассистент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Российская Федерация, 620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19; e-mail: a.v.neshataev@urfu.ru)

Bagirova A.P., Blednova N.D., Neshataev A.V.

FATHERS' INVOLVEMENT IN CHILDCARE DURING PARENTAL LEAVE: ASSESSMENTS AND EXPANSION PROSPECTS

Modern social relationships imply strengthening of the values of equality, solidarity and justice in the division of responsibilities in the family sphere between women and men. However, it is women who bear the brunt of the housework in Russian families. Under such conditions, the need to develop a model of involved fatherhood that has a favorable effect on children, women, and fathers themselves becomes more relevant. In this regard, the purpose of our research is to examine fathers' involvement in family responsibilities during parental leave. To achieve this goal, in 2022 we conducted a questionnaire survey of mothers and fathers with children under 3 years old. We interviewed 1,000 respondents living in 85 entities of the RF. To organize the research, we used quota sampling, with quotas by Russian federal districts in proportion to population size. We have revealed that with the expected higher level of parental load of mothers during the period of parental leave compared to the level of fathers' load, there are a number of socio-demographic factors influencing this differentiation. They include: 1) family income level (higher income is associated with specific types of functions – educational and communicative); 2) family status of fathers (having a registered marriage increases paternal involvement during parental leave). Fathers' age is not related to their involvement level. Reasons for fathers' lower load are both objective and subjective in nature. We see continuation of work in applying qualitative research methods for deeper understanding of the causes of the current situation.

Fathers' involvement, paternity leave, parental leave, childcare leave, family policy, involved fatherhood.

REFERENCES

- Amin M., Islam A., Sakhonchik A. (2016). Does paternity leave matter for female employment in developing economics? Evidence from firm data. *Applied Economics Letters*, 23(16), 1145–1148. DOI: 10.1596/1813-9450-7588
- Avdeeva A.V. (2012). “Involved Fatherhood” in contemporary Russia: Strategies for participating in child care. *Sotsiologicheskie issledovaniya=Sociological Studies*, 11, 95–104 (in Russian).
- Beskaravainaya V.K. (2006). *Sotsiologicheskoe ponyatie “novye ottsy” i ego sodержanie* [Sociological Concept of “New Fathers” and Its Content]. Moscow: RGGU.
- Brauner C., Wöhrmann A.M., Frank K., Michel A. (2019). Health and work-life balance across types of work schedules: A latent class analysis. *Applied Ergonomics*, 81. DOI: 10.1016/j.apergo.2019.102906
- Chan K.L., Emery C.R., Fulu E., Tolman R.M., Ip P. (2017). Association among father involvement, partner violence, and paternal health: UN multi-country cross-sectional study on men and violence. *American Journal of Preventive Medicine*, 52(5), 671–679. DOI: 10.1016/j.amepre.2016.12.017
- Chernova Zh. (2018). Representation of fatherhood: Blogs' sociological analysis. *Interaktsiya. Interv'yu. Interpretatsiy=Interaction. Interview. Interpretation*, 15, 6–23 (in Russian).
- Cools S., Fiva J., Kirkebøen L. (2015). Causal effects of paternity leave on children and parents. *The Scandinavian Journal of Economics*, 117(3), 801–828. DOI: 10.1111/sjoe.12113
- Duvander A., Andersson G. (2006). Gender equality and fertility in Sweden: A study on the impact of the father's uptake of parental leave on continued childbearing. *Marriage & Family Review*, 39(1), 121–142. DOI: 10.1300/J002v39n01_07
- Garcia I.L., Fernald L.C.H., Aboud F.E. et al. (2022). Father involvement and early child development in a low-resource setting. *Social Science & Medicine*, 302, 114933. DOI: 10.1016/j.socscimed.2022.114933
- Henry J.B., Julion W.A., Bounds D.T., Sumo J. (2019). Fatherhood matters: An integrative review of fatherhood intervention research. *The Journal of School Nursing*, 1–14. DOI: 10.1177/1059840519873380
- Jethwani M., Mincy R., Klempin S. (2014). I would like them to get where I never got to: Nonresident fathers' presence in the educational lives of their children. *Children and Youth Services Review*, 40, 51–60. DOI: 10.1016/j.chidyouth.2014.02.009

- Kletsina I.S. (2009). Fatherhood in analytical approaches to the study of masculinity. *Zhenshchiny v rossiiskom obshchestve=Woman in Russian Society*, 3, 29–41 (in Russian).
- Kon I.S. (2011). Three in one: Sexual, gender and family revolutions. *ZhSSA=The Journal of Sociology and Social Anthropology*, 1, 51–65 (in Russian).
- Kramer K.Z., Bae H., Huh C.A., Pak S. (2019). The positive spillover and crossover of paternity leave use: A dyadic longitudinal analysis. *Journal of Vocational Behavior*, 115, 103310. DOI: 10.1016/j.jvb.2019.05.007
- McCanlies E., Mnatsakanova A., Andrew M., Violanti J., Hartley T. (2019). Child care stress and anxiety in police officers moderated by work factors. *Policing: An International Journal*, 42(6), 992–1006. DOI: 10.1108/PIJPSM-10-2018-0159
- Mikhailova A.I. (2012). Fatherhood as a new type of parents in the context of scientific knowledge. *Vestnik ZabGU*, 12, 70–78 (in Russian).
- Nandi A., Jahagirdar D., Dimitris M.C. et al. (2018). The impact of parental and medical leave policies on socioeconomic and health outcomes in OECD countries: A systematic review of the empirical literature. *The Milbank Quarterly*, 96(3), 434–471. DOI: 10.1111/1468-0009.12340
- Novoselov V.M. (2012). The issues of fatherhood in Russia. *Vestnik Permskogo un-ta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya=Perm University Herald. Series "Philosophy. Psychology. Sociology"*, 3, 176–178 (in Russian).
- Patnaik A. (2019). Reserving time for daddy: The consequences of fathers' quotas. *Journal of Labor Economics*, 37(4). DOI: 10.1086/703115
- Petts R.J., Knoester C. (2018). Paternity leave-taking and father engagement. *Journal of Marriage and Family*, 80(5), 1144–1162. DOI: 10.1111/jomf.12494
- Petts R.J., Knoester C., Waldfogel J. (2020). Fathers' paternity leave-taking and children's perceptions of father-child relationships in the United States. *Sex Roles*, 82(3-4), 173–188. DOI: 10.1007/s11199-019-01050-y
- Rozhdestvenskaya E.Yu. (2010). Fatherhood: A liberal trend from "father" to "daddy"? *Sotsiologicheskii zhurnal=Sociological Journal*, 3, 75–89 (in Russian).
- Rozhdestvenskaya E.Yu. (2020). Involved fatherhood. Caring Masculinity. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny=Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 5, 155–185. DOI: 10.14515/monitoring.2020.5.1676 (in Russian).
- Saarikallio-Torp M., Miettinen A. (2021). Family leaves for fathers: Non-users as a test for parental leave reforms. *Journal of European Social Policy*, 31(2), 161–174. DOI: 10.1177/0958928721996650
- Sarkadi A., Kristiansson R., Oberklaid F., Bremberg S. (2008). Fathers' involvement and children's developmental outcomes: A systematic review of longitudinal studies. *Acta Paediatrica*, 97(2), 153–158. DOI: 10.1111/j.1651-2227.2007.00572.x
- Smith A. (2011). Working fathers in Europe: Earning and caring. *European Sociological Review*, 27(2), 230–245. DOI: 10.1093/esr/jcq004
- Tervola J., Duvander A.Z., Mussino E. (2017). Promoting parental leave for immigrant fathers – What role does policy play? *Social Politics: International Studies in Gender, State & Society*, 24(3), 269–297. DOI: 10.1093/sp/jxx006
- Yerkes M.A., André S.C.H., Besamusca J.W. et al. (2020). "Intelligent" lockdown, intelligent effects? Results from a survey on gender (in)equality in paid work, the division of childcare and household work, and quality of life among parents in the Netherlands during the COVID-19 lockdown. *PLoS One*, 15(11). DOI: 10.1371/journal.pone.0242249

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Anna P. Bagirova – Doctor of Sciences (Economics), Candidate of Sciences (Sociology), Professor, deputy director for science and innovation, Ural Federal University (19, Mira Street, Yekaterinburg, 620002, Russian Federation; e-mail: a.p.bagirova@urfu.ru)

Natal'ya D. Blednova – Assistant, Ural Federal University (19, Mira Street, Yekaterinburg, 620002, Russian Federation; e-mail: n.d.blednova@urfu.ru)

Aleksandr V. Neshataev – Assistant, Ural Federal University (19, Mira Street, Yekaterinburg, 620002, Russian Federation; e-mail: a.v.neshataev@urfu.ru)